

ИНЫЕ СОСЕДИ

13

ул. Туманная

ВАНЬКА-
ГАДИНА

Яна Ясная

ГАДОСТИ ДЛЯ
РАДОСТИ

...и по работе

Яна Ясная

Гадости для радости... и по работе

«Яна Ясная»

2025

Ясная Я.

Гадости для радости... и по работе / Я. Ясная — «Яна Ясная»,
2025

– Позвольте! Я профессиональная гадалка! – Гадина ты. Профессиональная.
– И это тоже. Разрешите представиться: Червона, гадаю на Таро, рунах и кофейной гуще – мне, в принципе, все равно, какой бутафорией маскировать умение видеть судьбы. Жаль только, что в отношении своей собственной судьбы мне по большей части приходится руководствоваться правилом «Позволь неприятностям случаться!».

© Ясная Я., 2025

© Яна Ясная, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Яна Ясная

Гадости для радости... и по работе

Глава 1

– Эт-то что еще такое?!

Алевтина Витольдовна, домовая и хозяйка квартиры, которую я сняла неделю назад, смотрела на террариум с таким выражением лица, словно никакого террариума вообще не было, а королевскую кобру я содержала на алтарном столе прямо посреди ее квартиры.

Я с трудом удерживалась от досадливой гримасы. А всё мама! И угодило же ее позвонить именно сейчас.

– Урсула провалила ЕГЭ по информатике! – трагически возвестила она в телефонную трубку.

И хотя все слова по отдельности были понятными, но в единый смысловой конструкт не складывались: как Урсула могла провалить ЕГЭ? Да ее от ее обожаемых учебников оттащить сложнее, чем меня от третьего «Ведьмака». Вообще, как можно провалить ЕГЭ, если ты хоть слабенькая, но потомственная предсказательница, мать твоя, змеища, – матерая гадалка, директор школы – пусть не профессионал, но на базовые прогнозы способна, и даже твоя учительница информатики в состоянии заглянуть одним глазком в будущее? И все как одна заинтересованы в успешной сдаче тобой единого государственного экзамена?

Картинка не складывалась.

Пока я пыталась осмыслить сногшибательную новость, в дверь позвонили – и я открыла. Даже в глазок не взглянула в полной уверенности, что это клиенты, которые вот буквально пару часов назад попросились на сеанс.

Понять мою ошибку, конечно, можно: все мои интеллектуальные ресурсы были брошены на попытку выстроить непротиворечивую логическую цепочку. Но в результате в свежеснятую квартиру вместо клиентов по записи попала квартирная хозяйка. Без записи.

И вообще без каких-либо договоренностей – потому что я, растерявшись, сама ее впустила вместо того, чтобы выйти из квартиры на лестничную площадку.

Телефонный разговор я, конечно, стремительно свернула, но все. Поздно.

Ну вот. Итог.

Стоим смотрим друг на друга: Алевтина на змею, я на Алевтину, а змея – на меня.

Ну как же всё не вовремя, а!

– Я вас спрашиваю, что это такое! – Недовольство расплывалось вокруг домового, как чернильное пятно вокруг осьминога.

– Это Татьяна, – уныло представила змею я. И призналась: – Я, если честно, сначала хотела ее Натальей назвать, но духу не хватило.

Алевтина Витольдовна обожгла меня взглядом:

– Голубушка, вы прекрасно понимаете, что я не об этом!

Я понимала. И именно по этой причине не планировала пускать квартирную хозяйку в квартиру.

– Вы сказали, что у вас нет питомцев! – наступала на меня Алевтина, вынуждая пятиться.

– Это не питомец!

– Это животное!

– Про животных вы меня не спрашивали! А то бы я, конечно, вам сказала! – (Нет.)

– Я не сдаю жилье квартирантам с питомцами!

– Это не питомец! – рявкнула я, чувствуя, как меня загоняют в угол (в буквальном смысле в угол, между диваном и креслом). – Это с-с-средство мас-с-скировки!

Мир мигнул и поблек, выгорев красками, но зато наполнившись запахами, вибрациями и колебаниями температуры, а пол скакнул и отделился.

– Как?! Как, с-скашите, по-вашему, я должна объяс-снять, зачем я покупаю принадлеш-шности для с-содержания с-смеи, не имея с-смеи?! – потрясая руками, вопрошала я из-под потолка.

Квартирная хозяйка побледнела.

Как правило, любое разумное существо бледнеет, видя стоящую на хвосте пятиметровую нагиню в истинной и явно агрессивной форме. И становится потрясюще сговорчивым. Хозяйка сорок седьмой квартиры в доме номер тринадцать по улице Туманной стала неприятным исключением.

– Что ж, – объявила она с достоинством и поправила растрепавшиеся кислотно-рыжие пряди. – Думаю, я могла бы пойти вам навстречу и пересмотреть условия сдачи жилья. В части размера квартплаты, разумеется, тоже.

Через четверть часа Алевтина Витольдовна ушла, оставив после себя ощущение, что меня прокрутили в центрифуге, выстирали и высушили. И понимание, что работать мне придется больше, чем я планировала.

Почесав бедро сквозь штаны (стоило хвосту трансформироваться в ноги, и одежда исправно возвращалась на место вместе с ногами, на которые была надета, но ткань становилась неприятной на ощупь, словно ее сильно пересушили, и раздражала кожу, чувствительную после оборота), я мрачно побрела в комнату.

К работе я относилась со сдержанным неодобрением. С одной стороны, змея – тварь лени... энергосберегающая, потому лишний раз работать не спешила. С другой стороны, человек – существо, стремящееся к комфорту. Поэтому деваться мне все же было некуда.

Но на всякий случай, прежде чем приступить к работе, я всегда внимательно к ней присматривалась: а не лишний ли это раз?

Обрызгивая штаны из пульверизатора, как раз на подобный случай и припасенного, я думала о том, что, подняв квартплату, драгоценная Алевтина Викентьевна сильно сократила мне время рассматривания предложений, увеличив количество «не лишних» раз.

Тьфу.

Вот чем, чем я думала, когда подписывала договор аренды квартиры, в котором был пункт «без животных»?

Неправильный вопрос.

Правильный вопрос – «о чем». А думала я о том, что аренда предыдущего жилья у меня заканчивается, других предложений съема жилья на Туманной, 13 я не нашла, а пожить среди иных мне втемяшилось в голову прочно. И вообще, Татьяна тихая, авось о ней никто и не узнает!

Ну вот.

Не узнал.

Подняв крышку террариума, я мстительно брызнула водой в Татьяну. Это ты во всем виновата!

Тьфу и на тебя тоже!

Мне, конечно, ничего не стоило заранее посмотреть линии своей судьбы и избежать неприятного эпизода, но... Ясновидческий дар нагов – штука своенравная. Особенно когда направляешь его на себя. Он способен предупредить о большой беде, но только в том случае, если ты не будешь им злоупотреблять.

Вот и решай, что для тебя важнее: избежать сотни мелких неприятностей или разминуться с одной, но по-настоящему серьезной...

Вот я и решала.

* * *

– Червона? Здравствуйте, мы с вами договаривались о встрече, мне вас Ирина Маркина рекомендовала!

Бодрый женский голос из домофона звучал делово, по-рабочему.

– Да, конечно. Поднимайтесь – пятый этаж, квартира сорок семь.

Открыв клиентам дверь в подъезд, я окинула взглядом «приемную»: просторная комната, где плотные шторы создают прозрачный полумрак, угловой диван с мягкими креслами – уют, а алтарный стол с картами Таро на нем – нужную атмосферу. Ну, вроде все прилично, разбросанное белье с грязной посудой на виду не валяются. Можно и людей принять.

А не зря ли я сюда переехала? Всё же мои клиенты – обычные люди, а им сейчас пять этажей ко мне пилить. И не то беда, что без лифта, а то беда, что это пять этажей, населенных иными. Как-то оно... как бы оно...

Мысль эта нет-нет да и поднимала голову. Но, будучи совершенно несвоевременной и безнадежно запоздалой, была с позором загнана в глубины подсознания.

Ничего, зато клиенты по пути к гадалке успеют проникнуться и настроиться на нужный лад!

...блин, в этом подъезде вроде вампириша живет. Вот на кой черт меня понесло переселиться к иным, как теперь к ним нормальных людей таскать?

Звонок в дверь.

Всё, левые мысли – на фиг. Работа пришла.

Я потянулась к нужному состоянию, медленно в него погружаясь.

В глазок я на этот раз всё-таки глянула – точно работа. Не квартировладелица! Хотя теперь-то чего оглядываться.

– Меня Катя зовут, а моего мужа – Андрей, нам вас посоветовала Ирина Маркина, сказала, что вы ей очень помогли, вот прям очень, и мы с мужем тоже решили обратиться! Ира вас так хвалила, а у нас такая непростая ситуация...

Миниатюрная хорошенькая дамочка лет двадцати четырех, если навскидку, ужасно нервничала и от этого говорила без остановки и улыбалась – натянуто, напряженно, но все время, судорожно вцепившись в чашку с кофе. Ее муж выглядел гораздо спокойнее, но на происходящее смотрел со сдержанным скепсисом. Предложенный ему кофе так и стоял перед ним на столике, нетронутый.

В целом ясно, что инициатор визита она, а он во всю эту чушь не верит, но идет на уступки жене. Раз дает себе труд скрыть свое отношение, значит, отношения в семье скорее хорошие. Одежда, телефоны, хороший парфюм, украшения у нее, часы у него... Судя по внешним признакам – не бедствуют. Ну слава богу. Терпеть не могу чувствовать себя виноватой, когда получаю деньги за честно выполненную работу.

А ценник у меня конский.

Клиентка говорила, говорила и говорила. Я не мешала. Сознание плыло в пограничном состоянии, привычно удерживаясь на грани, когда я еще не прорицаю, но и на реальность смотрю уже не совсем эту. Сохраняя форму полностью человеческой, я сейчас была куда больше змеей, чем человеком. Расслабленной, сонной и вялой змеей. Змеей, пригревшейся на солнце. Змеей, которая дремлет с открытыми глазами.

– Червона... – клиентка запнулась, но все же решилась. – Червона, погадайте нам на ребенка.

Змея проснулась и сфокусировала взгляд.

– Мои расценки вам известны?

Расслоение сознания завершилось: разум, крутнувшись, как монета, занял «рабочую» позицию.

– Да, конечно! – дамочка закивала, торопливо дернула на себя сумочку, достала крупные купюры, неловко сунула их на столик.

Я прикинула сумму: ну вроде нормаль. Этот раз «не лишний».

Карты ловко заскользили в руках, тасуясь. Замелькали одинаковые рубашки, красочные лица.

– Это магическая колода? – спросил муж клиентки.

– Андрей!

– Не-а, – легко ответила я одновременно с клиенткой. – Это так... атрибут. Помогает настроить сознание.

Если честно, я и значений карт до сих пор точно не знаю... Но это я клиентам уже говорить не стала. Зато сочла нужным успокоить растерянную Катерину:

– Ничего страшного. Ваш муж – клиент и имеет право задавать вопросы.

А я никогда не вру клиентам.

Карты, блестящие и лаковые, ложились на стол: одна, другая, третья. Я смотрела на них, но не видела. Зрение в принципе утратило свое значение, перегруженный мозг отодвинул поступающую от него информацию на периферию, поставив низший приоритет обработки.

– Я так понимаю, ребенок у вас уже есть, – резюмировала я, взглянув на живот сидящей передо мной молодой женщины.

Рука Катерины поднялась в совершенно рефлекторном и узнаваемом жесте.

А у Андрея нервно дрогнула линия губ – и тут же расслабилась под усилием самоконтроля.

– Ну, я смотрю, я не первый специалист, к которому вы пришли.

Твою мать.

– Нет-нет, что вы, мы к другим гадалкам не ходили! – запротестовала Катерина, хотя я вроде и не осуждала. Так, отметила для поддержания разговора.

И чтобы время потянуть.

Что делать-то, а?

– Но за прогнозами уже обращались, – отметила я.

Наверняка потому и побежали за утешением к гадалке.

А утешить мне их и нечем.

Ну и как мне им сказать, а?

Твою дивизию.

Твою ж!..

Нет, будь передо мной пара нагов – я бы не моргнув глазом сказала им, что плод нежизнеспособен.

Но среди людей я живу достаточно давно, чтобы понять то, что мне пытались еще дома объяснить старшие: у людей дети – большая тема, особенно у матерей, особенно у беременных, и лучше этой темы не касаться, целее будешь.

К тому же теперь, рассмотрев их внимательнее, я видела, что на самом деле он напряжен, а она может сорваться в любой момент, и...

Не, ребят, я вам сочувствую, но себя мне жалче. Я сейчас дам вам негативный прогноз, вы к нему прислушаетесь, а потом передумаете, вообразите, что подлая гадалка вынудила вас избавиться от ребенка, и решите ей мстить.

И, взвесив все за и против, я приняла мучительное, полное самоотречения решение. Сгрела карты ладонью, смешав их, а деньги отодвинула от себя.

– До свидания!

Клиенты опешили, вытаращились на меня, как будто я прямо при них форму сменила. А я сгребла деньги, сунула их в руки Катерине (для надежности и чтобы не передумать) и стала подпихивать их к выходу.

– Послушайте, но... что вы делаете? Мы же вам заплатили!

– Уже нет, деньги я вам вернула.

Растерянная Катерина взглянула на смятые купюры в своей руке с недоумением: как так?

– Вы же увидели, да?

– Без комментариев.

Катерина смотрела на меня так обиженно, выглядела такой несчастной, что её муж уперся, подтверждая тем самым мои предположения, что отношения в семье хорошие:

– Бросьте, вы же сами сказали, что у нас уже есть прогноз. Ну так просто скажите моей жене то, что она хочет услышать, и всё!

– Андрей, вы же в меня не верите, вы же точно знаете, что эти все гадания, магия-шмагия – это все мошенничество плюс психология. Уведете жену от шарлатанки – сохраните семейный бюджет. Сплошные плюсы! Почему нет?

– Почему нет? – Он встал, расставив ноги, показывая, что не позволит сдвинуть себя с места. Поглядел едко, насмешливо. – Потому что вы рассказали нам с женой те вещи, о которых не можете знать. А теперь пугаете ее, выгоняя. И, знаете, ей это не на пользу, а Кате и так в последнее время многое пришлось пережить. Так что вы скажете нам все, за чем мы пришли. Катерина, отдай ей деньги.

Катерина выглядела полностью охреневшей: кажется, последнее, чего она ожидала от супруга, это такого поворота.

А я вдруг успокоилась. Действительно, чего я так распсиховалась?

Ситуация, конечно, неприятная, и печальный опыт прошлых поколений внятно велит мне с ней не связываться. Но «не связываться» не значит «бежать в панике». А я, блин, устроила черт-те что.

Ладно, сейчас разберемся.

– Проходите, садитесь. – С легким вздохом я указала гостям на диван, с которого только что их вытолкала. – Нет, деньги совать мне не надо: я не могу вам гадать и советов давать тоже не буду. Но могу потратить немного времени, чтобы объяснить почему. Посидите минуту, я сделаю нам всем чай. Хотите успокоительный? Нет? А я хочу.

Успокоительный чай у меня был. Правда, самый что ни на есть позорный для волшебного существа вроде меня – обычный сбор из аптеки, который я простецки мешала с листовым чаем, таким же обычным, купленным в магазине.

Не, ну вот чего я распсиховалась?

Первый раз, что ли?

Просто сегодняшний дурацкий день вышиб меня из колеи. А я нежный котик, я страсть такого не люблю, вот и разволновалась.

Но в успокоительном чае ведь что главное? Главное, за время, которое нужно потратить на его заваривание, успеешь привести в порядок голову.

Вот и я в комнату вернулась не только с тремя чашками на подносе, но и с восстановленным самообладанием.

– Скажите, зачем вы ко мне пришли на самом деле? – спросила я, когда раздала чай всем: и желающим, и не желающим, – и уселась на свое место. – Только честно.

Катерина рассматривала чай – хмуро и сосредоточенно.

Потом призналась:

– Вы же Маркиной помогли. Она всем уши прожужжала, какую она крутую гадалку нашла, как эта гадалка всю правду с ходу увидела и как в Иркиной жизни после этого все проблемы разрешились...

Господи, что ж это за Маркина такая впечатлительная? Может, она не у меня была? Я вроде ни на кого такого чудотворного эффекта не оказывала.

– Вот я и решила: попробуем! А вдруг, чем черт не шутит, окажется, что врачи ошиблись?

Я внимательно смотрела в окно мимо клиентки, не желая играть в игру, в которую она меня втягивала, – «Дай мне надежду».

– А вы? – повернулась я к Андрею.

Он помолчал.

– Кате сейчас очень тяжело. То есть... нам обоим, конечно, тяжело, мы оба хотели этого ребенка. Но... для меня он – идея, абстрактный образ. А для Кати – реальность, данная в ощущениях. Ей хуже. Она в эту мысль с гадалкой вцепилась как клещ, ей и так плохо, не спорить же из-за ерунды. Так, по крайней мере, я рядом и не дал бы заморочить ей голову. Но вы вроде вменяемая. По крайней мере, не станете тянуть из Катьки душу, чтобы выдать денег. Но в эти ваши трюки я все равно не верю.

Он со стуком поставил на стол чашку с чаем, которую держал все это время в руках.

Я вздохнула, входя в разговор, как в воду. В незнакомую реку, где не видно дна и не знаешь, чего ждать.

– В этом и есть вся... деликатность моего положения. Когда доказательная медицина делает подобного рода заключения, она опирается на доказательства. Они материальны. Их можно предъявить. Показать другому специалисту, отнести в суд, в конце концов. Специалисты же вроде меня в своих заключениях опираются на эфемерную материю. На некий магический дар. Со внутреннего ока скан не снимешь и в качестве подтверждения к своему заключению не приложишь. Как вы верно сказали, мне можно верить. Можно не верить. Можно поверить, а потом передумать. И если бы вы пришли ко мне, не зная, что с вашим ребенком что-то не так, это был бы один разговор. Но вы знали и все равно пришли, а это совсем другое дело. На мой взгляд, вы пришли ко мне, чтобы разделить с кем-то ответственность за тяжелое решение. Я не хочу этой ответственности. Это ваше решение. Я не хочу иметь к нему отношения. На фиг, на фиг, я не хочу, чтобы потом мне в окно прилетела бутылка с зажигательной смесью.

Андрей, убаюканный и расслабленный моей мерной речью, вскинулся, возмущенный, полоснул меня негодующим взглядом:

– Вы полагаете, я на подобное способен?!

– Вы – нет. А вот ваша жена – запросто!

– Что за чушь?! – взвилась уже Катерина. – Да я попросту не докину, у вас пятый этаж!

Я взглянула на нее с иронией, она смешалась:

– Ну, то есть я хотела сказать, помимо того, что я в принципе не стала бы, я бы просто и не смогла!

– Да-да! – покивала я, встала, вынуждая их рефлекторно подняться вслед за мной, и повела к выходу из квартиры.

Они послушно шли за мной и только уже в дверях замялись, переглянулись, без слов обсудив что-то между собой (в этой семье действительно царят хорошие отношения!), и Андрей спросил:

– А... Червона, скажите, а как вы узнали... ну, всё.

Я мягко улыбнулась:

– Я очень квалифицированная шарлатанка. У меня отличные источники информации!

И закрыла за ними дверь на все замки. Облегченно на нее откинулась: фух! Вытолкала!

Постояла немного так немного и вернулась к себе, радуясь, что все закончилось.

И лишь тогда поняла, что рано выдохнула: на алтарном столе, среди карт и чашек с недопитым чаем, валялись оставленные клиентами деньги.

Да твою раскрою!

Нестерпимо тянуло раскинуть картишки (или руны, или кофе, или хоть хрустальный шар в стену швырнуть) и убедиться, что пара из Катерины и Андрея покинула меня навсегда. Но главное правило, по которому живет ясновидящая-змеедева, – «Позволь неприятностям случаться».

В свою судьбу без последующих осложнений заглядывать можно не так уж часто, и лучше приберечь эту возможность для более фундаментальных вопросов. Можно, конечно, обратиться за помощью к коллеге – этажом ниже вроде бы как раз живет одна, но... Не доверяю я этим человеческим предсказательницам!

Остро захотелось домой, в родную деревню Виноградарь, всеми правдами и неправдами переименованную лет сто пятьдесят назад из Змеевки.

Там хорошо; там теплое море бьется в галечный берег; там виноградники раскинулись на километры вокруг. Там сила эгрегора питает мой народ – нагов, или змеелюдов, или серпентеров, как нас ни назови. Там все свои, и даже люди, которых в Виноградаре немного, свои и посвящены в тайну. Там мама, папа, сестры, и кругом сородичи, и есть с кем посоветоваться в сложном вопросе!

Кхм.

Там мама, папа, сестры и кругом – сородичи...

Ну... нет, не так уж я и соскучилась. Я лучше позвоню!

– Мам, привет. Ну так что там у Урсулы с ЕГЭ? Выяснили?

– Выяснили, – и по трагичному маминскому голосу я поняла, что права была в решении не спешить с возвращением домой. – Ты представляешь, она завалила его специально! Представляешь, она сказала нам с папой, что не хочет в большой мир, подождет еще годик, посидит дома!

– В смысле – «не хочет»?

Сказать, что я опешила, – это ничего не сказать, это культурно промолчать.

Каждый молодой наг обязан по достижении самостоятельного возраста покинуть общину и прожить от десяти до пятнадцати лет вне ее – с целью познания мира, развития кругозора и чтобы, когда вернется, больше ценил прекрасное место, где ему посчастливилось родиться. В нашей деревне «возрастом достижения самостоятельности» назначен момент окончания средней общеобразовательной школы.

Экзамены сдал – все, пшел в большой мир на вольный выпас и, пока не обживешься, без веских причин не появляйся. Когда обживешься – тоже не появляйся без веских причин.

Мы же наполовину змеи, и склонность избегать лишних движений у нас, в принципе, видовой признак. Нет, есть редкие исключения, но в основном наги – это та самая гордая птица ежик, которую не пнешь – она не полетит. А мы еще и живем замкнутой общиной. Нагам физически не слишком комфортно за пределами эгрегора и психологически – вне границ родных социальных связей.

И закон, обязывающий молодежь познавать большой мир, спасает наши общины от вырождения и стагнации (а за ней – и деградации).

Этот закон читится и соблюдается беспрекословно, отказаться выполнять его требования – это... это...

Так.

– Мама, – мягко уточнила я у драгоценнейшей родительницы. – В каком это смысле Урсула не хочет в большой мир? Насколько я помню, она уже года три точно знает, что будет делать по окончании школы и куда поедет учиться.

Молчание.

– Мама. Ты ничего не хочешь мне сказать?

Тишина. Только слышно, как у кого-то из соседей снизу в подъезде жарит рок.

– Наталья Владимировна!

– Что? Вот что ты начинаешь?

– Мама, скажи честно: вы что, передумали Урсулу отпускать во Владивосток?

– Ну на кой черт ей этот Владивосток? – взывала мать. – Четырнадцать часов в самолете – и это если рейс прямой! Ну что, что она там забыла, что? Она победительница всероссийской олимпиады, она в любой вуз страны поступать может, дался ей этот ДВФУ, чего она в него уперлась!

В ДВФУ она уперлась, потому что он во Владивостоке, а с компанией сверстников из Владивостока она уже лет пять дружит – сперва на компьютерные темы, а теперь по любым вопросам.

– Понятненько.

– Что это тебе понятненько? – мрачно поинтересовалась мама.

– Вы с отцом игнорируете ее мнение, она саботирует ваши планы, – независимо отозвалась я.

И быстренько разорвала соединение.

Потому что я, конечно, независимая, самостоятельная и взрослая, но... Но пусть мама сначала перебесится!

Я походила по квартире. Проверила температурный режим и влажность у Татьяны в террариуме. Погладила гладкую треугольную голову. Повздыхала. Попила чаю.

Конфликт родителей и Урсулы – это так, ерунда. Понятно, что они хотят ей светлого будущего, но Урсуле, как по мне, достаточно и светлой головы. Она точно знает, чего хочет от жизни и как будет этого добиваться. Родителям тут не светит.

А вот сегодняшние клиенты не шли из головы.

Мы, наги, не слишком чадолюбивая раса. Процесс размножения и подбора партнеров у нас сопряжен с определенными сложностями и проблемами. Нет, мы способны заводить детей и с людьми, и с другими иными, иначе как вид давно выродились бы. Так что дело не в этом. Мы просто в принципе плохо размножаемы. И потому, например, любая пара, решившая завести ребенка (будь то пара нагов или смешанная), должна предъявиться старшим. Самые опытные из целительниц и предсказательниц общины посмотрят на ваши «генетические линии», на вероятное общее потомство. Просчитают совместимость, риски появления отклонений и дадут добро. Или не дадут. За взбрыки в этой области можно огрести неиллюзорных магических люлей, вплоть до принудительного ограничения репродуктивной функции: нечего рисковать благополучием и безопасностью общины.

И все эти сложности могли бы сильно испортить жизнь, но, к счастью, мы довольно хладнокровны в этом вопросе: есть дети – хорошо, нет детей – и так неплохо.

Это с одной стороны. А с другой стороны... учитывая как раз все проблемы, с которыми сопряжен процесс размножения у нагов, детство для нас неприкосновенно. Причинение вреда беременной или ребенку – табу. Раньше эта наша установка, наверное, касалась только нас самих, но давно расплозлась на всех разумных в принципе.

Глава 2

Я поднималась по лестнице в состоянии некоторой задумчивости. Клиентов у меня на этой неделе было четыре.

Мадам Горкина («Нет, я ничего не могу вам сказать о женихе вашей дочери, если вы не приведете жениха вашей дочери. Нет, фотография не поможет. Нет, личная вещь не поможет. Нет, дать гадалке больше денег не поможет»).

Но, если вам очень хочется, можете дать гадалке больше денег просто так!

Сергей Морозов, занимающийся перепродажей машин (из трех автомобилей – один более-менее соответствует предоставленному хозяином описанию, у другого скручен пробег, третий побывал в аварии. Авария избежала зоркого ока дорожных служб, а моего не избежала).

Некая девица Анна («Я от Лидии Коньшевой!») желала знать, получит ли ее коллега повышение («Нет, я ничего не могу вам сказать о вашей коллеге, если вы не приведете коллегу. Нет, фотография не поможет. Нет, личная вещь не поможет. Нет, дать гадалке больше денег не поможет. Но я могу сказать вам про вас: ваши шансы получить эту должность три из десяти»). Девица Анна почему-то ужасно воодушевилась и убежала, воинственно грохоча каблуками по лестнице.

Четвертым клиентом была пара «Катерина плюс Андрей», воспоминания о которой до сих пор вызвали смутное чувство недовольства собой, поэтому их я старалась затолкать поглубже в недра памяти, чтобы не всплывали.

Морозов и мадам Горкина были клиентами старыми, постоянными и денег мне за время нашего сотрудничества принесли прилично.

В целом нехитрая калькуляция доходов подсказывала, что на хлеб насущный вполне мне хватает. А вот на туфли – нет.

С одной стороны, не то чтобы туфли из змеиной кожи – предмет острой необходимости.

С другой стороны... ну а чего они такие, что мне их невыносимо хочется?!

Понастроят витрин, понаставят в витрины туфель, а девушке потом страдай!

Или даже хуже – работай!

И ведь что обидно: запрашиваемая за туфли (голубой питон!) сумма не была недостижимой мечтой. И не подними мне старая кошёл... Алевтина Витольдовна квартплату, я бы, может, взяла бы их да ка-а-ак купила!

Домой бы в них съездила...

В принципе, можно пустить на туфли Татьяну. Как бы выяснить, хватит ли мне одной Татьяны на две туфли?

– Здравствуйте! – вырвал меня из меркантильно-мечтательных расчетов молодой голос.

К голосу прилагался юноша лет восемнадцати – светлокожий и светловолосый, очаровательно взъерошенный и выглядящий застенчивым.

И однозначно иной.

Видовую принадлежность навскидку определить я бы не взялась – не сталкивалась с такими, как он, раньше. Но инаковость гарантировала стопроцентно.

Впрочем, скрываться сосед и не думал.

– Скажите, вы же змеевна?

Ну... иногда нас и так зовут.

– А я ваш сосед Вася, я в сорок пятой живу. Скажите, ваш вид, вы же умеете делать ментальные внушения, да? Понимаете, я набрал вес, очень переживаю, а вы... Вы не могли бы мне помочь? Ну, с аппетитом?... Я имею в виду с установкой на снижение аппетита!

При визуальном осмотре лишний вес у соседа Васи не обнаружился.

Юноша выглядел стройным и гармоничным. И смущенным. И трогательным. И обаятельным.

Но я все равно насторожилась.

А не предлагают ли мне, случайно, работать бесплатно?

– Вася, скажи, – осторожно начала я, – ты, случайно, не обратил внимания на то, что все мои клиенты – люди?

Он растерялся от моего вопроса, даже хлопнул красивыми глазами.

– Чем больше в существе силы, тем сложнее нашему виду как-то на него магически воздействовать. Неважно – смотреть на судьбу или делать внушения. Я предпочитаю работать с людьми, потому что иные просто не заплатят мне столько, во сколько я оценю свой расход сил.

Я извиняюще развела руками, не говоря Васе о том, что у меня просто нет пока столько сил. С возрастом, без сомнения, заматерею, наберу. А пока – нет, нет. Увы!

– А... Извините. Извините за беспокойство, – смутился сосед и улыбнулся мне.

О, что это была за улыбка!

От нее кровь прилила к низу живота, грудь потяжелела, напряглась и стала чувствительной, а в голове закрутилось томное марево желания.

Губы стали горячими и пересохли, и я облизнула их, чувствуя, как по животу прошла волна дрожи...

...и резко саданула хвостом по стене рядом с дверью в квартиру инкуба.

Посыпалась старая штукатурка со стены, а на дверном откосе осталась вмятина.

– Ты с ума сошел? Ты что творишь?!

Я возмущенно дернула хвостом, перетекла кольцами из одного в другое, приподнимая человеческую часть тела повыше и гневно сверля инкуба взглядом (зато с видовой принадлежностью определились, да).

Сосед отшатнулся, зачастил что-то прошупробное, а я свирепо фыркнула (Нет, ну каков нахал! А прикидывался таким милым мальчиком!), открыла свою дверь и стремительно (в этой форме все получалось стремительно) втекла в квартиру.

– Извините! – пискнул мне в спину инкуб.

* * *

Нет, вы посмотрите на него! Средь бела дня! Совращать тетку... женщину... девушку старше себя на... на не скажу, сколько лет, прямо на лестничной площадке! Мысленно злобно бухтя и чувствуя, как в животе дохнут бабочки – предвестники сексуального возбуждения, я опрыскивала из распылителя немилосердно пересохшую ткань льняных летних штанов, когда дверной звонок заорал, придавленный кем-то решительным.

Я зашипела.

Я зарычала.

Я метнулась к двери, готовая убить нахала на месте пульверизатором по голове (да, я злая, а кто из нас не злая, когда неудовлетворенная?!)...

И запнулась, держась за распахнутую во всю ширь дверь.

– Червона, здравствуйте! – широко, но не очень натурально улыбнулась мне Катерина-которую-я-старательно-запихивала-в-подвал-памяти, Катерина-которую-я-надеялась-больше-никогда-не-увидеть. – У вас все в порядке? Можно войти?

– Какого черта вы явились без предварительной договоренности? – мой рявк слышно было, наверное, на все подъезды дома от пятого до первого этажа.

Улыбка молодой женщины стала кривоватой, но парадоксальным образом куда более искренней.

– О, мы с вами так неудачно расстались, что я просто подумала: если я вам позвоню, вы меня точно не примете!

* * *

Мы сидели в моей гостиной-приемной друг напротив друга, я в кресле, Катерина на диване, разделенные столиком для Таро, и пили успокоительный чай.

Я думала о том, что какой-то он недостаточно успокоительный, мне бы после знакомства с соседом Васей и для общения с Катериной чего-нибудь позабористее.

Катерина молчала, а я не рвалась ее поторапливать.

– Червона, я не хочу повторно обсудить тему, с которой мы приходили к вам в прошлый визит. Пожалуйста, не надо так обреченно на меня смотреть.

Кхм... Неужели тоскливое «Вот что вам от меня надо?» настолько очевидно витает в воздухе?

– Мой вопрос... он опосредованно связан со всей этой ситуацией, но все же о другом.

Катерина отставила в сторону чашку с чаем (на нее, кажется, тоже не действует) и очень спокойно продолжила:

– Понимаете... Мы с мужем... – голос ее осекся, она прерывисто вздохнула, но взяла себя в руки и продолжила: – Мы с Андреем пытаемся выяснить, в чем причина нашей... нашей... неудачи. Всю прошлую неделю мы сдавали анализы. Проходили осмотры. Тесты. Обследования. Если честно, начали мы сразу же после заключения о... о...

Она все же не смогла выговорить вслух врачебный приговор, порывисто взяла со столика чашку, сделала большой глоток, замерла, приводя в порядок эмоции.

– В общем, неважно. Просто... хотите знать, что говорят результаты обследований?

Нет, я не хотела. Но я уже поняла, что за вопрос привел ее ко мне, и в этом не считала себя вправе ей отказать.

А Катерина продолжала:

– Мы здоровы. Оба. Мы в хорошей физической форме: Андрей регулярно посещает спортзал, я в качестве нагрузки предпочитаю танцы. Мы оба не пьем и не курим. У нас не выявлено патологий или нарушений, которые могли бы привести к... подобному результату. Наследственных заболеваний выявить тоже не удалось – по крайней мере, таких, которые могли бы оказать влияние на наших будущих детей. С точки зрения современной медицины, мы оба с мужем совершенно здоровы. Нам дают отличные прогнозы на новую беременность – после того, разумеется, как мы избавимся от этой. Через годик, когда я восстановлюсь. Нет никаких причин для опасений. А я... я боюсь. Понимаете, Червона? Потому что в этот раз для опасений тоже не было никаких причин.

Она посмотрела на меня, и я поняла, что этот чертов чай точно совсем не помогает. Надо что-то повесомее заводить.

У Катерины были совершенно больные глаза.

– Я не готова рисковать. Я не смогу, просто не смогу пройти через все это снова. Червона, скажите, у нас с Андреем могут быть здоровые дети?

Тягучее состояние расслоения сознания настигло меня еще на середине ее нервного монолога, и накрыло, и затянуло киселем, а после прозвучавшего запроса тумблер предохранителя, установленного во мне заботливыми старшими наставниками и долгими тренировками, перекинуло в положение «вкл.».

Больше всего в моей работе я любила именно этот момент, когда сформулированный запрос к предсказанию выводил дар в рабочий режим и я на мгновение становилась если не всеведущей, то ужасающе близко к этому.

Карты заскользили в руках, тасуя пластиковые картинки и невнятные образы.

– Поймите меня правильно, Червона, – голос Катерины, когда она клала на столик деньги за сеанс, воспринимался отстраненно, смазанно. – Я просто хочу сэкономить семейный бюджет. Не спускать его на многочисленные исследования, которые не факт еще, что дадут внятный ответ, а сразу срезать путь из пункта «А» к пункту «Б».

Я понимала Катерину. Я даже завидовала ее характеру: оказавшись на ее месте, я наверняка задалась бы вопросами, как так получилось и кто виноват.

А она не отвлекалась на поиск виноватых. Она смотрела в будущее и шла к цели по кратчайшему маршруту.

Карты выкладывались на стол. Одна. Другая. Третья.

Смотреть на них мне было не нужно, но я все-таки смотрела. Мне не хотелось смотреть на сидящую передо мной женщину. Не сейчас, когда она начала мне нравиться. Не сейчас, когда я почувствовала к ней искреннюю симпатию.

Но единственное, что я могла для нее сделать, – это быть с ней честной.

С трудом подняв на нее взгляд, я заставила себя говорить:

– Мне очень жаль, Катя. К сожалению, я не вижу для вас возможности родить от мужа... – я запнулась, пытаюсь отвязаться от скакнувшей на язык противной фразы «жизнеспособное потомство».

Ну какое «потомство», они же люди.

– Здоровых детей, – наконец справилась с задачей я.

– ...Катя, послушайте, бездетный брак – это не так уж и плохо.

– ...Кать, ну если вам надо выплеснуть на кого-то свою любовь, если вы хотите ребенка – в мире полно детей, которые нуждаются в вашей любви.

– Послушайте меня, ну, послушайте же. Есть же другие варианты. Ну в конце концов, Кать, ну...

Молодая, успешная женщина горько и безутешно рыдала у меня на плече, а я сбивчиво бормотала всё, что приходило мне в голову, и желала сбежать отсюда куда угодно, лучше всего – на край света.

Этот чай – полное дерьмо. Он не работает. Не годится ни к черту. Я завтра... нет, я сегодня же пойду в аптеку на первом этаже, где обслуживают только наших, а для обычных людей всегда закрыто, и куплю самую убойную, самую успокаивающую дрянь, которую там найду!

Господи, ну почему, почему именно меня она выбрала в утешители?

Я хладнокровная змея. Я не умею утешать. Я просто не знаю, как это делать.

В груди, за ребрами, противно ныло.

* * *

– Здравсьте, – сказала я стоящему за аптечным прилавком мужику с темной бородой, в черной мантии, с серебряным шлемом на голове.

И без бейджа.

Я разглядывала внутренности аптеки для нелюдей, стараясь делать это как можно менее палевно.

Всё же до этого я жила в основном либо среди своих, либо среди людей обычных, никакими сверхъестественными силами не отмеченных, а тут целое специализированное заведение для иных. Новый опыт!

Помещение было оформлено под старину: деревянные витрины, где на полках между разномастными пузырьками там и тут стояли то ли аптекарские, то ли алхимические приборы антикварного вида; амулеты; пентаграмма на полу посреди торгового зала... Впечатляет.

– Здравствуйте, – процедил фармацевт, не дав мне толком оглядеться. – Что вас интересует?

Представительный мужчина лет тридцати – тридцати трех, он смотрел на меня из-под шлема с некоторой надменностью.

– Успокоительный чай, пожалуйста, – вздохнула я. – Позабористее, пожалуйста.

– Желаете приобрести сбор для конкретного вида или вам что-то универсальное? На какой эффект рассчитываете? Сразу предупреждаю: универсальные варианты обладают менее выраженным эффектом, чем специализированные. А если вам нужно, как вы выразились, «позабористее», – породистое лицо выразительно скривилось, – то рекомендую переходить на эликсиры. Чайная ложка на стакан воды – и клиент гарантированно спокоен. Также могу предложить дополнительные эффекты: сонливость, внушаемость, выпадения из памяти событий, произошедших в последние двадцать минут...

– Нет, спасибо. Не надо эффектов. Видите ли, мне действительно для клиентов. А мои клиенты – обычные люди. Мне нужно на всякий случай иметь что-то, чтобы успокоить особо впечатлительных. Не усыпить, не стереть память, не упокоить – просто успокоить. С сохранением ясности мысли.

– Аптека для маглов дальше по улице через три дома, – буркнул мужик.

Кажется, оскорбился, но затем передумал:

– Но, знаете, у меня есть экспериментальное средство...

– Нет!

И не то чтобы я запаниковала от этого щедрого предложения... Но я да.

– Не надо экспериментального! Мне нужен обычный успокоительный чай для обычных нервных людей, но такой, который действует точно, надежно!

Но, немножко подумав, добавила:

– И эликсир давайте тоже. Тот, который универсальный, чайная ложка на стакан.

Фармацевт закатил глаза и ушел куда-то в подсобку. Оттуда потянуло запахом озона и горелых перьев, раздались хлопок и вспышка... Вскоре мужик вернулся, и на прилавок со стуком опустил самый обычный пакетик какой-то сетевой аптеки.

– С вас пять тысяч сто восемьдесят четыре рубля тридцать копеек, – надменно объявил он.

Я сдержалась, хотя очень хотелось нервно икнуть от озвученной цифры: дорого нынче обходятся спокойные нервы иным!

Терминал пискнул, снимая с карты запрошенные деньги, я сгребла свою покупку и поспешила выйти из столь дорогостоящего места.

Оказавшись на улице, не удержалась и заглянула в пакет. В пакете обнаружились чек, бутылочка из темного стекла, миллилитров эдак на четыреста, с винтовой пробкой; к бутылочке обычной аптечной резинкой был примотан свернутый в несколько раз лист бумаги. И еще там лежала пачка с успокоительным аптечным сбором. Запаянная в полиэтилен, с логотипом торговой марки на упаковке – я и сама покупала точно такой, именно им недавно клиентку Катерину и поила.

Это что еще за... Он охренел?!

Выдернув чек, я стремительно пробежалась взглядом по строчкам, прежде чем идти бить морду шельмоватому колдуну. «Эликсир умиротворения – тысяча рублей; чай успокоительный аптечный – триста сорок восемь рублей; доставка – три тысячи триста шестьдесят пять рублей; дань десять процентов – четыреста семьдесят один рубль тридцать копеек. Будьте здоровы!» – черным по белому значилось в чеке.

Это... это что, он за меня в аптеку для маглов через три дома дальше по улице за три с лишним штуки сгонял?!

И что, вообще, означает пункт «дань»?

Свирепо крутнувшись на пятках, я направилась обратно в аптеку.

* * *

Поднимаясь на свой пятый этаж, я сердито сопела. Вот как, по-вашему, я должна была догадаться, что «дань» – это НДС?!

А теперь, конечно, новые соседи будут думать, что я скандалистка. Васе дверь помяла, в аптеке бучу подняла... Ну, Вася, конечно, сам виноват: силу контролировать нужно! Я, между прочим, из-за этого Васи теперь в глазок смотрю не только когда ко мне кто-нибудь приходит, но и когда я сама из своей квартиры на лестничную клетку выхожу. И аптекарь молодец, хорошо придумал – налог данью обозвать. А перед оказанием услуги вообще положено озвучить ее стоимость и получить согласие! То есть я, конечно, в обоих случаях не виновата, а фармацевту вообще имела право выесть мозг чайной ложечкой! Но в глазах окружающих теперь все равно именно я выгляжу склочницей.

А поднявшись к себе на лестничную площадку, я вздрогнула, и взгляд сам собой стрельнул в сторону пакета, где лежала свежеприобретенная успокоительная бутылка. На четыреста миллилитров.

– Здравствуйте, Червона. Мы с вами не договаривались, но я много времени у вас не займу.

С трудом подавив желание отхлебнуть умиротворяющего эликсира прямо из горла, без чайных ложек и воды, я тяжело вздохнула:

– Здравствуйте, Андрей.

Глава 3

Последние три дня настроение у меня было не в... не в дугу. Супруги Теплеевы, Катерина и Андрей, оставили в нем неизгладимый след. Вот как, как, скажите, на вопрос от жены и от мужа о совместных, подчеркиваю, совместных детях можно было получить два взаимоисключающих варианта ответа?

Мое ясновидение уверенно и ясно выдавало Андрею благоприятный прогноз на будущих общих детей с Катериной. Нормальные должны получиться дети, с хорошим прогнозом по здоровью и интеллекту. При исходной общей формулировке запроса это, пожалуй, максимум, что о них можно сказать.

В первый момент я растерялась. Во второй – перепроверила результаты.

Проверка ничего не изменила – прогноз оставался прежним, вполне оптимистичным.

Потом было неприятно.

Я имела глупость сказать правду (да, убеждения и профессия запрещают мне врать клиентам, но могла бы отмолчаться, выгнать Теплеева, это имело бы ровно тот же эффект, что и вранье).

А потом еще, прямодушная дурочка, ляпнула: мол, надо разбираться. Искать причину.

Андрей от моих слов налился дурной кровью.

– А я, дурак, вас нормальным человеком посчитал. – Он скривился от переполнявшего его презрения. – Показалось, что вы человеку душу мотать, чтобы из него лишнюю копейку вытащить, не станете. Но вы... вы даже хуже. Сказать Кате, что у нас не будет детей, потом накрутить ее, чтобы она заставила меня тоже сходить к вам, и через меня забросить наживку – это... У меня нет слов. Очень грамотная схема, очень. Не буду говорить, что она подлая: таких, как вы, это не смущает. Червона, или как вас там на самом деле. По-хорошему, на вас надо бы написать заявление в полицию – о мошеннических действиях и причинении вреда здоровью моей жены. Из-за вас она отказывается продолжать обследования. Но на то, чтобы вас посадить, придется потратить слишком много сил, а я не могу себе позволить распыляться на бессмысленные удовольствия. Но если вы еще раз появитесь в нашей жизни... Если попытаете как-то выйти на мою жену... Клянусь, я это сделаю. Вы сядете.

Нет, я не испугалась. Андрей Теплеев даже не представлял, насколько малоосуществимо звучали его угрозы.

Обидно... Обидно мне не было: глупо обижаться, что человек, доведенный до ручки сложностями и стрессами в своей жизни, сорвался на того, кого изначально считал мошенником и недобросовестным, да и вообще...

Да и вообще кому я вру? Мне было просто зверски обидно! И из-за того, что этот, с позволения сказать, клиент (а, да какой он мне клиент, максимум – муж клиентки!) мне наговорил, честное слово, не будь он обычным человеком, я бы уже предъявила истинную форму тонким намеком, что еще слово – и вломлю хвостом, а из-за того, что Андрей никаким боком не относился к иным, приходилось сдерживать душевные порывы. Еще обиднее было, что теперь распутать всю эту... ситуацию вряд ли удастся.

Ну и злилась, конечно. Я в своем поколении – самая сильная провидица. У нагов дар прибывает с возрастом, и с кем-то из старших, кому под семьдесят, мне не тягаться, но потенциал виден сразу. Среди ровесниц полно целительниц сильнее меня, найдутся и менталистки посильнее, но не провидицы, и такая неудача воспринималась как болезненная оплеуха, с которой нужно было немедленно разобраться. А как? Как?!

Профессиональный кодекс и уклад жизни нашего вида в один голос довольно жестко говорили: не лезь. Себе дороже выйдет, а может выйти боком и всей общине – к примеру, если я вляпаюсь с Теплеевыми в неприятности и меня придется выручать. Им поддакивали и мои

личные этические установки вместе со здравым смыслом: мол, помощь без запроса зачастую бьет по самому непрошеному помощнику.

Уязвленное профессиональное самолюбие и жалость к женщине, рыдавшей на моем плече, остались в категорическом меньшинстве.

В общем, настроение у меня в последние три дня было не очень, да.

Решив, что дурную энергию нужно куда-то слить, например, на уборку в доме, я... я на всё плюнула и забурилась в третьего «Ведьмака» на повышенную сложность, отвлекаясь от компьютера только на еду.

Но еда коварна. И подла. И закончилась. По крайней мере, моя. Заботливо упакованный в контейнеры, в морозильной камере стоял корм для Татьяны, в правом контейнере – выбраковка змеиной молоди из питомника, в левом – мыши, начиненные витаминизированным творогом естественным способом. Сегодня утром, заглянув в оба контейнера по очереди, я пришла к выводу, что обедать Татьяну как-то не готова, и приняла волевое решение сходить за продуктами.

Можно было, конечно, заказать их с доставкой на дом, но курьеров, которым пришлось бы пройти наш подъезд от первого этажа до пятого, было откровенно жалко, а отрываться от компьютера и двигаться все же иногда надо.

На лестнице столкнулась с Васей, хапнула воздействия – причем в этот раз Вася был не виноват, в этот раз я сама полезла смотреть ему в глаза, я ж теперь в курсе, я ж теперь подготовленная, решила проверить, устою ли! Проверила, огребла, извинилась перед Васей, перебивая неловкие извинения передо мной, объяснила, что сама дура. Сбежала.

И вот теперь шла домой с полным рюкзаком продуктов и прижимала к груди балык из толстолобика. Кусок вяленой рыбки весом больше полкило я увидела на самопальном прилавке стихийного фермерского рынка.

Запах детства.

Там, где я выросла, браконье... рыбалкой промышляло процентов шестьдесят мужского населения – приморские деревни, о чем говорить.

Темно-розовые куски вяленой рыбы на плотной, покрытой чешуей коже лежали на пластиковом блюде посреди пластикового же стола. При виде них со мной случилось временное помутнение рассудка, а рот наполнился слюной. Наплевав на сомнительное происхождение рыбы, на то, что мне неизвестно, где, кто и с соблюдением каких норм ее готовил, я недрогнувшей рукой отсчитала нужную сумму продавцу с обветренным, загорелым до черноты лицом, вцепилась в рыбу и теперь шла домой, прижимая к груди заветную добычу.

Подъезд, тамбур, лестница, первый этаж, второй этаж, тре... МЫ-Ы-Ы-Ы-ЫШЬ!

Иван

«Бах-бах-бах!» – старуха в халате яростно колотила в двери нужной мне, сорок седьмой квартиры. У ее ног сидел и с интересом наблюдал за происходящим здоровенный черный кот.

Похоже, несмотря на конский ценник, с деньгами у гадалки, которую хрен знает как через таких же пришибленных подружек откопала Катька, не особо: дом старый, стены в подъезде обшарпанные, исчерканные граффити и дурацкими надписями.

– Открывай! Открывай, дрянь! – агрессивно вопила старуха.

И снова – бах-бах-бах!

– Я тебе волосенки-то выдергаю! Хвост твой вырву! Открывай, а то убью!

Ну... при таких вводных я бы не открыл. В сорок седьмой тоже не торопились.

Бах! По двери стукнули особо сильно, и я решил, что настала пора вмешаться:

– Капитан Иван Романович Сокольский, уголовный розыск. Гражданочка, что у вас случилось?

Скандалная старуха обернулась на профессионально участливый тон, впилась в меня пронзительным взглядом. Глаза у нее оказались не по-старчески яркие, зеленые.

– Убили!

Ну твою ж мать, как не вовремя!

Подавив неуместную досаду (теперь придется разбираться с трупом и ждать коллег, а я здесь по сугубо личному делу, я вообще сегодня выходной), я приготовился впрягаться в работу. В целом любимую, но иногда, вот как сейчас, очень уж внезапно настигающую. Ладно, буду считать, что это способ собрать дополнительную информацию о гадалке.

– Кого убили, кто, где? Изложите обстоятельства дела подробно.

– А дрянь эта и убила!

И старуха с неожиданной силой пнула дверь, рывкнув:

– Открывай!

– И вы так бесстрашно ломитесь к убийце? – осторожно уточнил я.

– А ты что, голубчик, думаешь, я эту змею боюсь? Да сейчас!

В принципе, конечно, все возможно: старость, деменция, – но, кажется, что-то с этим убийством не так.

Дверь содрогнулась от очередного удара, и я с успокаивающими интонациями повторил:

– Гражданочка, вы успокойтесь. Давайте вы сейчас представитесь, все мне по порядку расскажете – и мы во всем разберемся. Когда, кого и при каких обстоятельствах она убила?

– Котика моего, мальчика моего бедного! И ведь что, что он этой гадине сделал? Ничего! Посадите её в тюрьму! Дайте этой стерве пожизненный срок!

Нет, ну обижать животных – это, конечно, нехорошо, но пожизненный срок все же как-то чересчур. Хотя штрих к портрету гадалки выразительный. Где Катька ее только нашла?

– Срок дает суд, – уклончиво ответил я.

Кот, сидевший у ног старухи, взглянул на меня с презрением, как бы говоря: «Слабак!»

– Представьтесь, пожалуйста, – настойчиво попросил я снова.

Взгляд проигнорировал: еще меня коты на «слабо» не брали.

– Василина Никаноровна я, – поджала губы старуха.

– А вот этот кот, который у дверей сидит и никуда не уходит, он ваш или из сорок седьмой квартиры?

– Что-о-о?! Да как вы могли такое подумать! Как у вас язык повернулся! Мурзаил мой! Эта... эта мерзавка и проходимка к нему никакого отношения не имеет! Она вообще в наш дом недавно вселилась!

– Ага, – вычленил я крупицу информации. – То есть вы утверждаете, что у вас было два кота и одного из них убила женщина, живущая в сорок седьмой квартире?

– Почему это «два»? Мурзаил у меня один-единственный, неповторимый!

Единственный-неповторимый в ответ басовито замурлыкал.

Под этот звук я некоторое время рассматривал старую ведь... Василину Никаноровну и отчаянно тупил.

– Так... Подождите. Ваш кот – вот он сидит. Верно?

– Конечно, – с достоинством согласилась собеседница. – Сидит!

– Так какого же кота тогда ваша оппонентка убила?

– Ой, всё! Ну не убила, пыталась убить! Только чудом совсем не доубила! Бросилась! Кинулась! С третьего этажа, как зверь бессердечный, на первый гнала! Морду пыталась набить! Вот вы мне скажите, вот вы же офицер, вы же из полиции, каким же человеком нужно быть, чтобы котика морду бить!

Невменяемым? Но это не точно, драк людей с котами в моем служебном опыте раньше не встречалось.

Я стиснул зубы. Ладно. Спокойно.

– Заявление о жестоком обращении с животными писать будете?

Старуха отвернулась от двери, которую уже примеривалась снова атаковать, окинула меня удивленным взглядом. Фыркнула. Рывкнула злорадно:

– Открывай, дура! Тебя в тюрьму сажать пришли! На ровном месте бросилась, дрянь... Он, между прочим, для тебя мышей ловить не обязан!

И, круто развернувшись, с победным видом пошла прочь. Кот без понуканий пошел за бабкой следом, профессионально путаясь в ногах.

Дверь, дождавшись, пока эти двое точно уйдут, осторожно и недоверчиво приоткрылась.

– Мышей он для меня ловить не обязан... – проворчал женский голос из-за двери. – Издеваться тоже не обязан. Входите.

Дурдом.

Нет, я еще по рассказам коллег из местного отдела заподозрил, что в этом доме наркопритон и местные варят какую-то дурь с галлюциногеном. Но я и не думал, что они свое зелье всем домом и потребляют.

– Добрый день, капитан Сокольский Иван Романович, уголовный розыск. – Я привычно махнул корочками перед носом у гадалки. – Вы гадалка Червона?

Квартира, в которую я попал, ничего особо мистического из себя не представляла, насколько видно было из коридора. Кресла, угловой диван, плотные шторы. Из атрибутов, создающих атмосферу, выделялся только столик, расписанный непонятными символами, и муляж королевской кобры на нем.

А вот несколько ламп на гибких шеях, направленных на стол, из образа, наоборот, выбивались: такие, как эта гадалка, обычно любят создать на своем рабочем месте таинственный полумрак, в котором проще пудрить мозги доверчивым гражданам.

Пока я осматривался, гадалка заглянула в мое удостоверение и вполне дружелюбно заметила:

– Тезка, значит. Да, гадалка Червона – это я. А вы тоже по поводу пропавшего?

– Пропавшего? – я насторожился.

И что значит «тоже»?

– Ну, ваш коллега недавно приходил, – пояснила она. – По поводу этого, как его... Льва Клыкова. Ладно, я чувствую, это надолго. Пойдемте в комнату. Можете не разуваться.

Хозяйка пошла в комнату, плавно покачивая попой, и я, хмыкнув, пошел за ней.

Гадалка оказалась не такой, как я себе представлял. Я ожидал увидеть цыганку – ну а кем еще может оказаться женщина по имени Червона, гадалка по профессии? Лет пятидесяти плюс-минус, разбитную бабеху в золоте с головы до ног, включая зубы. Наглую, нахрапистую и хитрую.

Реальность отказалась соответствовать ожиданиям: гадалка, задурившая сестренке голову, оказалась довольно молодой девкой, лет двадцати восьми. Не то чтобы красавица – в голливудские каноны типаж не вписывается, но на редкость аппетитная. Внешность славянская, с примесью чего-то южного: темные кудрявые волосы, карие глаза, кожа слегка смугловата. Брови густые дугобразные, нос с горбинкой, губы не полные, четко очерченные... Полновата, но фигура компенсирует лишний вес: грудь и задница создают вполне приятный силуэт.

Если бы встретил такую вне контекста – обратил бы внимание. Может, даже подкатил бы, будь она без мужика, а я не на работе... Хотя я всегда на работе.

Вот какого хрена такую привлекательную бабу в мошенницы понесло? С ее внешностью – нашла бы себе папика, сидела у него на шее и не портила людям жизнь.

– Присаживайтесь. – Гадалка махнула в сторону кресел, а сама повернулась к муляжу кобры.

Я тоже повернулся в ту сторону, отметив про себя качество и реалистичность, с которыми он выполнен... и именно в этот момент кобра качнулась в мою сторону, «клюнув» воздух характерным движением.

Твою мать!

Рука сама дернулась туда, где должна быть кобура, и схватила пустоту.

Змея выстрелила в воздух раздвоенным языком, приподнялась... И в этот момент гадалка непринужденно перехватила ее под головой и посреди туловища и отработанным привычным движением опустила в террариум. Кобра в террариум не хотела и попыталась выскользнуть.

– Татьяна! – раздраженно одернула её хозяйка, и змея, даром что змеи глухие, от окрика немедленно опала и свернула кольца.

Сверху на террариум легла крышка.

– Я не выпускаю Татьяну при гостях, – светски пояснила девушка, обходя по кругу стол и выключая лампы. – Но вас я не ждала. А про Клыкова я ничего добавить не...

– Я не по поводу Клыкова, – неприятным тоном отозвался я.

Голос звучал хриловато. Выброшенный в кровь адреналин не спешил распадаться.

– На вас, гражданка, поступила жалоба в связи с мошенническими действиями. Так что представьтесь-ка полностью, предъявите документики, и поговорим.

Брови у гадалки дрогнули – она скорее удивилась, чем испугалась. Ушла в другую комнату, чем-то грохотнула. Громко назвалась оттуда, где находилась:

– Кириллова Червона Никитична. Интересно, и кто это на меня мог пожаловаться?

– Гражданочка, – я проигнорировал ее вопрос, – меня интересует ваше настоящее имя, а не рабочий псевдоним.

Она как раз успела вернуться. Фыркнула и шлепнула на стол передо мной раскрытый паспорт.

Ты посмотри – действительно, Червона Никитична. Охренеть, конечно, имя-отчество, нарочно не придумаешь.

Я пролистал страницы – не замужем, детей нет. Прописка, свидетельство о временной регистрации.

– Далеко вас, гражданка Кириллова, от дома занесло. Что забыли в наших краях?

– Не ваше дело.

Ошибаешься. После того как ты напела в уши моей беременной сестре и за здорово живешь похерила Каткин брак – это еще как мое дело.

– И, кстати, разрешение на содержание опасного животного есть?

– Есть. Я вашему коллеге уже показывала – у него нареканий не нашлось.

– А теперь покажите и мне. Я уже говорил, что мы с коллегой занимаемся разными вопросами.

– С каких это пор уголовный розыск осуществляет контроль содержания животных, – проворчала гадалка.

Я уже напрягся, предвкушая, что нащупал нарушение, когда она закатила глаза, фыркнула и, выдернув свой паспорт из моих рук (хорошая реакция), ушла в ту комнату, где до этого громыкала.

И вот с одной стороны, личность она, конечно, неприятная... А с другой – приятная.

Вернулась без паспорта, но с толстой папкой в руках и звучно шлепнула ее на стол.

Так, что тут у нас? Я подтянул к себе папку.

Заключение ветеринара-серпентолога Кириллова Н.А. о непригодности особи – дальше латынью (видовая принадлежность змеи, по-видимому) и перечисление особых примет, вроде характерного узора чешуи, – к использованию с целью получения яда и на племя ввиду дефек-

тов этой самой особи. Дефекты перечислены вроде на русском, но ни слова ни черта не понятно.

Корочки техника-серпентолога (это что вообще такое?) на змеиной ферме ООО «Виноградарь».

Членский билет герпетологического общества «Подколотные подруги».

Диплом юннатского кружка «Первая линька».

Решение о выбраковке указанной особи из поголовья змеиной фермы ООО «Виноградарь».

Заключение о невозможности возвращения особи в естественную среду обитания.

Заключение доктора биологических наук Кириллова Н.А. о безопасности особи для человека в связи с – снова по-русски, но ни хрена не ясно, из знакомых слов только «дисфункция» и «ядовитые железы», упомянутые в одном предложении.

Выписка из постановления суда о допустимости передачи в собственность змеи (вид на латыни и описание узора чешуи выглядит так, будто его перенесли из заключения ветеринара методом «копировать-вставить») гражданке Кирилловой Ч. Н. ввиду безопасности змеи для человека, при условии прохождения гражданкой Кирилловой курсов оказания первой медицинской помощи при укусе змеи.

И следующий документ – сертификат об успешном окончании тех самых курсов.

Я покрутил его в руках. Выглядел настоящим: с переливающейся голограммой, с печатями и подписями...

– А зачем курсы первой помощи, если, согласно заключению, ваша змея не способна укусить?

– В смысле – «не способна укусить»? – удивилась «гражданка Кириллова Ч. Н.» – Это вред здоровью она нанести не способна, а укусить – вполне!

Голос ее был до противного бодрым.

– Заключение, я смотрю, выдано неким Кирилловым Н. А. Кем он вам приходится?

– Отцом. И что? Вы думаете, он мог дать ложное заключение и подвергнуть опасности родную дочь?

Червона Никитична всем видом демонстрировала скепсис и сдержанное превосходство.

Я нюхом чуял, что все это насквозь незаконно, но крыть пока что было нечем: не рядовому оперу ставить под сомнение решения суда.

Еще раз окинув взглядом документы (постановление суда выдано не в нашем городе и даже не в нашем регионе – запомнить населенный пункт, пробить), я вернул папку Кирилловой.

– Ладно. Расскажите, какие отношения вас связывают с Екатериной и Андреем Теплевыми.

И с удовольствием полюбовался изменением выражения ее лица.

– Я бы очень хотела, чтобы никакие, – буркнула она. – Но кого волнуют мои желания? Это мои проблемные клиенты.

– То есть вы не отрицаете, что оказывали им услуги гадания?

Кириллова вздохнула.

– Нет, не отрицаю.

– С какой целью вы нагадали Катерине Теплеевой, что у них с мужем никогда не будет здоровых детей?

– С целью добросовестного исполнения своей части сделки. И не перевирайте моих слов, пожалуйста. Я сказала, что я не вижу для них такой возможности. Но насчет «никогда» – я бы ни за что так не сказала. Во-первых, это было бы жестоко. Во-вторых, я не беру на себя роль истины в последней инстанции и оставляю клиентам право верить мне или не верить.

Правильная, ты посмотри. «Это было бы жестоко», ну глянь. А следом – «клиенты сами решают, верить им или не верить», подразумевая в подтексте, что раз сами поверили, то сами и виноваты.

Утихшая было злость вскипела снова. Перед глазами встали бледная Катька, ее муж, злой и растерянный. Взять себя в руки получилось с трудом.

– Насколько мне известно, ее мужу, Андрею Теплякову, вы сделали совершенно другой прогноз.

– Насколько мне известно – тоже.

Кириллова старалась говорить и держаться невозмутимо, но ее лицо, раньше вполне живое, закаменело. Неужели совесть мучает?

Эта мысль лишь подбросила дровишек в костер: совесть мучает, но она все равно делает! Спокойно, Вань. Спокойно. Сейчас не время.

– И как вы это объясните?

– Никак. Я никак это не объясню. И Теплееву я сказала ровно то же: у меня нет объяснений, я никогда с таким не сталкивалась. Нужно разбираться.

– И дальнейшие разбирательства он должен был оплатить, да?

– Мог и не оплачивать, – пожал плечами Кириллова, и ее пышная грудь выразительно качнулась под тонкой тканью рубашки. – Он, собственно, и не стал.

– Знаете, Червона Никитична, как это выглядит с моей стороны? Как запугивание с целью вымогательства.

– Иван. Чего вы от меня хотите?

Гадалка по-прежнему не выглядела испуганной.

Злой, напряженной – да. Но не испуганной. Но впечатления закоренелой преступницы и матерой мошенницы она не производила тоже, поэтому я решил принять ее подачу и перейти к сути моего визита:

– Я хочу, Червона Никитична...

– Червона, – перебила она меня, поморщившись.

Я улынулся – не слишком приятно, каюсь.

– Червона Никитична, – повторил с нажимом. – Я хочу, чтобы вы признались Екатерине Романовне, что вы ее обманули. И объяснили, что все ваши прогнозы построены на грамотном сборе и анализе сведений и понимании человеческой психологии.

Гадалка Червона в ответ несколько удивленно приподняла брови:

– Надо же, я ожидала, что вы потребуете вернуть деньги.

– А вы бы вернули? – живо заинтересовался я.

Она фыркнула:

– Нет, конечно. Если я буду возвращать деньги всем, кому не понравилось, по какому пути идет его судьба, я буду работать бесплатно процентов на пятьдесят – шестьдесят. Такая судьба не нравится уже мне. Что же касается вашей... просьбы касательно моего предсказания Катерине Теплеевой... Нет. Во-первых, ее муж категорически потребовал, чтобы я не приближалась к его жене. И я, конечно, видала бы его требования в... в хрустальном шаре, но я не бегаю за клиентами. Это мой личный принцип. И во-вторых – я не вру клиентам. Никогда. Это уже принцип профессиональный.

Твою мать. Кажется, я наткнулся на самую неприятную разновидность – прибабашка, которая действительно верит во всю эту мистическую херню. Блаженная дура, да еще и с принципами.

Я покачал головой в последней попытке договориться по-хорошему:

– Червона Никитична, ну вы же производите впечатление договороспособного человека.

– Нет.

– Да, я уже вижу, что погорячился насчет договороспособности...

– Нет!

Что она имеет в виду?

Впрочем, я не стал развивать эту странную тему.

– Послушайте, мне это начинает надоедать. Налицо мошеннические действия и вымогательство. Если будет подано заявление, никакой суд вас не оправдает. Тот факт, что супруги Теплеевы заявление пока не подали, – это только вопрос времени и деликатности ситуации. Я пришел сюда не только как представитель закона, но и как близкий родственник пострадавшей в надежде разрешить вопрос миром, но если вы того не желаете...

– И вот живешь ты, такая условно усредненная правильная дура, – задумчиво отозвалась Червона... Червона Никитична. – Соблюдаешь профессиональный кодекс, рамки этики и даже налоговое законодательство. А тебя за это во всех смертных грехах винят. И знаете что, Иван Романович? Вот сразу же нестерпимо хочется нарушить.

– Что нарушить? – подобрался я.

– Всё нарушить. Я бы с этических норм начала. И с профессионального кодекса заодно. Вот вы знаете, что я, например, владею гипнозом? Загипнотизировать бы вас, – мечтательно взглянула она в потолок. – В целях воспитания!

Злость на эту дуру, заигравшуюся в свои сверхъестественные силы, вспыхнула, словно в нее бензинчика плеснули.

– А загипнотизируйте! – Я радостно ощерился в ответ.

– Вы, Иван Романович, дурак? – Гадалка взглянула на меня с жалостью. Атмосфера накалялась. – Одно дело – мечтать нарушить кодекс и нормы. И другое дело – нарушать их.

Она смерила меня взглядом, без слов транслируя недосказанное «из-за какого-то мента».

– Вы, Червона Никитична, аферистка. Мошенница, статья 159 уголовного кодекса УК РФ. Штраф, принудительные работы либо лишение свободы на срок до двух лет. И если не прекратите морочить голову моей сестре...

– Да не морочу я ей голову! Я ей вообще никаких советов не давала! Только четкий ответ на поставленный ею вопрос! И. Я. Не. Мошенница!

– Ну так докажите же мне это, Червона Никитична. Докажите!

Напряжение между нами можно было резать ножом. В какой-то момент мы встали и теперь стояли друг напротив друга, разделенные столом. Гадалка стояла неподвижно, но у меня все равно было ощущение, что она покачивается, и, кажется, я видел, как начал расплываться её зрачок...

А потом Червона... Никитична качнулась и сорвалась с места куда-то в сторону. Вернулась с ручкой и листом бумаги, обычной, формата А4.

– Пишите! – рявкнула она злобно, и я ощутил мимолетный укол удовольствия оттого, что она тоже в бешенстве и ярости.

Я снисходительно и неприятно улыбнулся, глядя на нее сверху вниз:

– Что писать?

– Пишите! «Расписка»! С новой строки: «Я, Сокольский Иван Романович» – какого вы года рождения? Вот его и пишите! «В здравом уме и твердой памяти даю право Кирилловой Червоне Никитичне применить ко мне ментальное воздействие, тип – гипнотическое внушение»!

Пристроив листок на стол, я писал под ее диктовку, ухмыляясь. Даже зачем-то вставил в расписку (да какая это расписка, филькина грамота, блин, ни один суд ее не примет), что воздействие разрешено применить однократно.

– Дата! Подпись! – все так же свирепо диктовала мне Кириллова.

Я вывел витиеватый росчерк парафа, протянул ей бумажку.

Ну? Что ты теперь будешь делать? Заигралась ты, дура великовозрастная, в «Сверхъестественное» и «Зачарованных»!

Она взглянула мне в глаза. Опять возникло ощущение, что неподвижно стоящая передо мной женщина – симпатичная, если отбросить в сторону моральные аспекты, – покачивается. Зрачки расширились, показалось, что там, в глубине черных провалов, вращаются в водоворотах галактики. В висках давило. А потом она открыла рот.

– До скорых встреч на мятых простынях цвета «мак», – запела гадалка, и голос у нее оказался неожиданный.

Не сильный, не громкий, не низкий, не высокий – всепроникающий. Подчиняющий. Зовущий.

– До скорых трепетных касаний содрогающихся рук, – выводил этот голос.

И мне вдруг стало нечем дышать. Желание, огромное, всепожирающее желание накрыло меня с головой.

Стой! Стой, дурак, ты что творишь! Остатками сознания и здравого смысла я понимал, что что-то не так, но желание пульсировало, билось, горело в паху и в голове. И я шагнул вперед.

Я хотел эту женщину больше жизни, она была рядом, и она была согласна.

Червона

Ощущение власти над человеком и ситуацией кружило голову. Пьянило не хуже молодого вина со змеиных виноградников. Я извивалась под тяжелым телом, прижавшим меня к кровати, и сходила с ума от вожделения – своего и горящего в чужом теле. И от своей преступной власти.

Одежда слетела легко и непринужденно, а в белье я умудрилась запутаться, и бюстгальтер тезка Иван с меня сорвал, оставив красную полосу на коже ребер, но мне было на это плевать: я уже выгибалась навстречу губам, ласкающим мою грудь. Навстречу рукам, тискающим меня жадно, жестко и беспорядочно, так, будто ему все равно, где гладить, где сжимать, прихватывать.

Глаза у капитана были злые и голодные.

И, поймав его взгляд, я внутренне ухмыльнулась и обхватила капитана за голову, притянув ее, столь неосторожную, к себе. Впилась торжествующим поцелуем.

Ответный поцелуй был как укус, как электрический разряд – агрессивный и колкий.

Ой-ой-ой, напугал! Как будто я не знаю, что все, что происходит, происходит по моему слову. Как будто не могу остановить тебя в любой момент, хоть силой, хоть волей!

...не могу.

Не хочу!

И когда мужское колено толкнулось мне между ног, я покорно развела бедра. И подалась навстречу. И, принимая член, проникающий в меня медленно, неторопливо, обвила мужчину ногами.

Мы замерли оба на какой-то момент, привыкая друг к другу. Наполненность, теснота, твердость и горячее нетерпение – давненько у меня не было этих ощущений. Тело, отвыкшее от сексуальной близости, вспоминало, каково это. Мышцы растягивались, дискомфорт, вызванный первым, слишком быстрым все же проникновением, уходил – и желание, подтолкнувшее меня на эту безумную выходку, снова поднимало голову. А в моей собственной голове становилось пусто-пусто, легко-легко.

А потом Иван начал двигаться. Сперва медленно, а потом быстрее, постепенно ускоряя темп, быстрее-глубже-сильнее, чертов олимпиец, и я постепенно забывала, кто я, где я, что я.

И скоро, полностью погрузившись в свои ощущения, я подавалась навстречу яростным толчкам, приветствуя каждый вскриком. Быстрее! Глубже! Сильнее!

Еще-еще-еще!

Мой оргазм выгнул меня дугой.

Ослепил.

Оглушил.

Испепелил.

Его оргазм обрушил на меня тяжелое обессиленное тело сверху и подарил вспышку упорительного самодовольства: вот я какая!

Полная гармония.

Так и должно быть!

Глава 4

– И что это была за хрень?

Мрачный голос неожиданного сексуального партнера (ну никак не подходит слово «любовник» к нашему случаю) вырвал меня из посткоитальной неги.

Я вытянулась в кровати всем телом, с наслаждением чувствуя, как трещат добротно размятые жилки, и просветила Ивана Романовича:

– А это, товарищ капитан, была наглядная иллюстрация, почему не следует давать мало-знакомым людям сомнительные разрешения, даже если вы уверены, что реализовать эти разрешения невозможно. А еще – пояснение, почему не следует бесить людей, утверждающих, что они обладают сверхъестественными способностями.

Я села в разгромленной постели, потянулась еще раз, задрав руки над головой и прогибаясь в спине, и поучительно пояснила:

– Ну ладно, я действительно со способностями оказалась. А если бы просто психом? Вы мне глаза на реальность раскрыли, а я после этого в окошко – фьють! От невыносимой тяжести навалившегося осознания. Вот что бы вы тогда делали, а?

И менторским тоном добавила:

– Чутче надо к людям быть, Иван Романович!

В принципе, в этом месте я уже готова была уклоняться от рукоприкладства со стороны правоохранительных органов. Но правоохранительные органы в лице отдельных своих представителей на провокацию не поддались. Только смотрели на меня хмуро, с выражением: «Ты дура или притворяешься?»

Ну, по-честному сказать, на этот вопрос однозначного ответа у меня не было, а ситуационный зависел от настроения, ресурсности и выгоды в моменте.

Некоторое время я ждала, что капитан все же озвучит этот вопрос вслух. Но он только перекатил желваки и вылез из кровати, принялся натягивать трусы. Бросил отрывисто:

– Если залетела – поскачешь на аборт как миленькая.

Пф-ф-ф! Тебя забыла спросить, что мне делать с моим телом. И с моими детьми.

– Не залечу, – закручивая волосы в узел, продублировала я вслух внутреннее фырканье.

Нагини не беременеют случайно. Для нас беременность – это всегда сознательный выбор. А вот некоторым, которые не обладают способностями змеелюдов, следовало бы предохраняться!

От резкости, с которой Иван натягивал на себя джинсы, сквозило раздражением. И он не преминул поделиться им со мной:

– Слушай, а ты от меня венерическое что-нибудь подцепить не боишься?

Я прищурилась, глядя на него.

– Да нет у тебя ничего.

– А я от тебя?

– А от меня ты только чуточку разумной осторожности получить можешь. Но это ты быстро вылечишь.

Кажется, мое легкомысленное спокойствие и полное довольство собой выводили капитана из себя. Ну а я-то с этим что могу сделать? Я что, виновата, что я спокойная? И довольная собой! Нет, это он виноват, потому что хороший секс – это не только сиюминутное удовольствие, но и повышение уровня гормонов счастья в крови!

– Да черт побери! – рявкнул Иван. – Ты мне скажешь, что это такое было?

И я сжалась над человеческим подкошенным душевным равновесием:

– Я тебе сразу сказала: ментальное воздействие, тип – гипнотическое внушение.

И, не удержавшись, с невинным видом добавила:

– Но если тебе так уж важно докопаться до первопричин произошедшего, можешь спросить у моего соседа из сорок пятой!

Господи, казалось бы, мелкая гадость – а представить приятно, как капитану прилетит по мозгам от Васи.

– Ладно, пойдем. – Я встала с постели и, посчитав не обязательным одеваться полностью, запахнула легкий халатик. – Я там чудом балык от соседского кота спасла. Сделаю тебе бутерброд. Заодно о твоей сестре поговорим, раз уж я все равно взялась профессиональную этику нарушать.

Ели сосредоточенно и молча: балык, нарезанный тонкими темно-розовыми лепестками, так восхитительно, так невозможно красиво лежал поверх мягкого сыра на ломтях пшеничного хлеба, что осквернять его вкушение разговорами казалось кощунством.

Запивали крепким сладким чаем. С чаем, кстати, неловко получилось: я его зачем-то сунула на самый верх кухонного шкафа. У людей-то эта поверхность обычно пустует, а у меня заставлена всякой кухонной мелочовкой, ведь у нагов есть такой удобный змеиный хвост, с помощью которого так удобно доставать что угодно под самым потолком.

А вот в присутствии капитана пришлось обходиться без хвоста. Мы с капитаном не настолько близки, чтобы я показывала ему хвост!

И вот тут-то и оказалось, что для того, чтобы достать заварник, нужно встать сперва на табуретку, потом встать на цыпочки, а потом еще как следует потянуться.

Выражение лица, с которым Сокольский наблюдал эту картину, бесценно.

Бутерброды заканчивались стремительно. Я следила за их убылью с некоторым моральным удовлетворением. Видимо, во мне проснулось что-то древнее, женское, которое требовало накормить своего мужчину. Сокольский, конечно, не мой мужчина, но... Но то, с каким аппетитом он ел, грело все равно.

– Ладно, – объявила я, когда блюдо опустело. – Теперь, когда ты веришь, что я настоящая предсказательница...

– Кхм... – поперхнулся чаем Иван. – С чего бы это?

Я опешила:

– Но я же тебе доказала!

– Что ты мне доказала? – изумился он. – Что владеешь техникой гипноза и можешь принудить кого угодно к чему угодно? Как это доказывает, что ты можешь видеть будущее? Что ты мне вообще хотела доказать?!

От искреннего охречения капитана я смутилась.

Нет, ну... Ну если так ставить вопрос... Да бли-и-ин!

И вообще! Он все перепутал!

– Во-первых, я не могу «принудить кого угодно к чему угодно». То есть теоретически это возможно, а на практике – чем сильнее у человека внутреннее предубеждение против каких-либо действий, тем сложнее его к этому склонить ментальным воздействием. Вот так легко, как тебя сегодня, можно подтолкнуть только к тому, к чему человек и сам склоняется.

Капитан зыркнул на меня исподлобья, а я энергично закивала: да-да, нечего из себя невинную девицу корчить, ментальным воздействием я только подтолкнула самый первый камешек, а что случился обвал – это уже заслуга... эм... недотр... отсутствия личной жизни у капитана и моего мягкого женского обаяния.

Иван с хмурым видом отвел взгляд, а я продолжила:

– А во-вторых, я не могу видеть будущее. Вот прошлое можно увидеть, а будущего не существует. Есть наиболее вероятное развитие событий – и вот его можно предсказать. И попробовать изменить, кстати, тоже можно.

Я немного подумала и честно добавила:

– По крайней мере, так дело обстоит в том варианте дара, который доступен мне. У тех, кто получил другое наследие и использует другие методики, возможно, дело обстоит иначе. Но если мы говорим о твоей сестре и ее случае, то там речь вообще не об этом. Дать прогноз на то, какие будут дети у пары людей и будут ли вообще, – это вообще не про предсказание будущего. Совершенно другая ветка дара. Это... это трудно объяснить, но в моих ощущениях такой прогноз вообще не затрагивает будущего. Тут речь идет исключительно о физических кондициях вопрошающих, о совместимости их тел.

И о магической совместимости, но об этом мы капитану вслух говорить не будем, хватит с него пока, потрясения нужно выдавать понемногу, чтобы психика успевала адаптироваться.

– В общем, если с предсказанием будущего ошибиться в целом достаточно легко, то с прогнозом на будущее потомство – нет. Это вообще наша прямая специализация...

– «Наша»? – вскинулся Сокольский. – Чья это – «наша»?

Да бли-и-ин!

– «Наша» – это таких, как я! – рявкнула я и испытала сильное желание стукнуть по чему-нибудь... по кому-нибудь хвостом.

Все же он меня ужасно бесит, и дозы счастливого умиротворения, полученной от секса, надолго не хватило. Я вспомнила об этом и разозлилась.

И вскочила на ноги.

И зашипела:

– Ты, вообще-то, ко мне приперся сестру спасать – вот и решай, будешь слушать или нет! Ты сюда, вообще-то, не пожрать и потрахаться на халяву приперся! Господи, как же меня достала ваша семейка!

Выражение лица у Сокольского неуловимо изменилось, и будь я проклята, если то, что на нем мелькнуло, – это была не гордость за свою семью.

С кем я связалась, а?

– Ладно, – вполне миролюбиво отозвался он на мой выхлоп. – Что там с Каткой?

Мой воинственный запал тут же сошел на нет. Я села обратно за стол и мрачно призналась:

– Да чтоб я знала!

Помолчали. Капитан не спешил нарушать тишину, выжидая, будто в засаде. А я действительно не знала, что сказать.

– Я над всей этой ситуацией третий день голову ломаю. Из головы не выходит! – Покосилась на Ивана и с вызовом призналась: – Да, мне её жалко! Твою сестру. И что такого?! Что я, не живая, что ли? Имею право!

Он молчал, а я, свирепо посверлив собеседника взглядом и не дождавшись его реакции, вернулась к предыдущей теме:

– Что это может быть, предположений нет, но одно могу сказать точно: это ни фигя не естественная херня. Если бы проблема была изнутри, в самой паре, прогноз на общих детей для обоих партнеров был бы одинаковый. А если прогноз выдает взаимоисключающие результаты – значит, проблема извне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.